

Поминовение усопших – это «дежурная» панихида в день Радоницы, молитва в ежедневном правиле, или нечто большее? Почему иногда искренняя молитва за усопших близких не приносит удовлетворения, душевного успокоения? Психолог и психотерапевт Мария Филоник пытается разобраться в этом на личном примере.

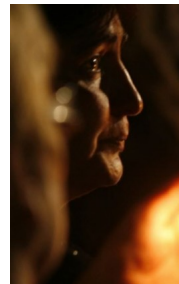

Фото: ИТАР-ТАСС

Смерть. Всегда нелепая и абсурдная, жестокая и, как правило, все равно неожиданная, даже если ее уже как будто бы «ждали». К ней нельзя привыкнуть, даже если кажется, что уже все прошло и память не будоражат яркие и болезненные воспоминания.

День смерти. Прошло 2 года, как нет папы. Уже много нет. Например, когдаходишь к подъезду, глаза уже не поднимаются автоматически, чтобы посмотреть, горит ли свет, как это было вначале. Каждый раз казалось: «а вдруг?». Или когда говоришь по телефону и одергиваешься: я же шумлю и мешаю ему – за стенкой. И хотя за стенкой уже давно никого нет, вздрагивания продолжались еще долго.

Вещи настойчивы. Диван все еще хранит особый запах. В шкафу лежат недописанные рукописи, которые лучше меня помнят его руки и почерк. Зимнее пальто как будто бы ждет, что его вот-вот опять наденут, ведь уже зима наступила. Кружка на кухне – его любимая. Овсяное печенье в магазине – он всегда такое покупал.

Человека вроде бы и нет, но сознание не может сказать этому «да», и предметный мир в этом отличный помощник. Семь месяцев после его смерти я каждый день доставала из почтового ящика газету, которую он читал – подписка была оформлена на полгода вперед. И приносила ее домой – точно так же, как делала это много лет до этой страшной даты. Газета приходила в ящик и потом проникала в квартиру – как будто ее так же будут читать.

Счета за телефон до сих пор приходят оплаченные – потому что когда-то он оплатил их вперед. Он всегда платил за квартиру, свет и телефон. И как будто бы платит до сих пор – квитанции тому доказательство.

Многое прошло, хотя это может быть иллюзией, но так сейчас кажется. И вот сегодня такой важный день, который так хочется провести совершенно по-особому. День заранее очищен от многих дел, чтобы высвободить время – для молитвы, для уединения, для памяти. Подготовка заранее: уж сегодня-то я точно помолюсь по-настоящему. Ведь это так важно! Проведу этот день ну очень старательно!

А что на деле? После нескольких часов прерывистого сна тело насильно было оторвано от кровати и кое-как принесено в храм. Если выбирать между разными формами памятования, то Литургия точно на первом месте. Кладбище, канон за усопшего, родственники – это все хорошо, но если получится. Евхаристия и Панихида в храме – думаю, это главное, что полезно *ему*, а ведь я хочу сегодня сделать что-то именно *для него*

Фото: simvol-veri.ru

Сосредоточиться толком не удалось, слишком сильно клонило в литургический сон. И как важно смочь поверить, что Бог и такую «молитву» принимает, и «намерение целует». Планы были наполеоновские – углубленная сосредоточенная молитва дома, со всей серьезностью подхода к делу. По факту – я просто заснула в изнеможении, а проснувшись, побежала на работу, которую нельзя было отменить.

Дальше – раздражение и злость на себя, недовольство таким образом проведенным днем, возмущение и никакого мира. Мне хотелось особой глубокой молитвы, хотелось ответов, слышания, диалога. Но это нужно кому? На самом деле, это нужно мне, потому что это мне не хватает доверия Богу, потому что это мне хочется доказательств, и это мне важно почувствовать, что «я хорошо помолилась». Но я делаю вид и сама в это верю, что это нужно для папы.

Пыталась молиться о прощении и спасении – не идет. Может быть, уже пора благодарить? Получается вяло. Господи, как же мне молиться, чтобы это было «в соответствии с реальным положением дел» (если можно так выразиться)? Чего же мне хотеть от Тебя сейчас? Ты видишь, что я хочу «знаков» о его судьбе, и ведь Ты даешь мне эти «знаки», с первых дней даешь, но я опять и опять сомневаюсь.

Фома – мой любимый апостол, как мне близко и понятно его желание вложить пальцы в раны Господа своего. Есть ли польза для папы в том, что я получу или не получу ответ? Если честно вдуматься – то на папу и его участь это вряд ли повлияет.

Но ведь я должна молиться о папе, ведь я должна просить у Бога прощения для него и проч. И поэтому справедливо я теперь такая злая – ведь я не сделала такое важное дело. И с этим трудно поспорить – очевидно, что надо молиться о близких. Но на более глубоком уровне тут можно увидеть тонкую грань – кто я и кто Он в этой молитве? Перед Лицом Кого я так стараюсь?

И, похоже, если копнуть, то можно обнаружить скрытую «манию величия» – я думаю, что от меня зависит папина участь в вечности. И если я сегодня плохо помолилась, то это соответственно отразится на папе, а вот если бы я хорошо помолилась, то это было

бы как-то особенно полезно – для него – как мне *кажется*.

И это не очень-то осознается, надо сказать, на вид все очень и очень благовидно. Но, может быть, опять более честным будет сказать, что такая молитва больше важна мне? Это я бы могла успокоиться и быть довольна, что провела день так, как хотела.

Что же делать? Господи, Ты видишь, что мои усилия, старания, переживания оказываются чем-то не тем... Кто я и Кто Ты? Ты – любишь папу гораздо больше, чем я. И мне трудно это признать. Ты – позаботился о нем тогда и сделал все, что нужно, хотя я до сих пор не могу это принять.

Но что тогда я могу и должна делать? Похоже, ответ таков: отдавать все Тебе, отдавать папу Тебе, хотя на деле это оказывается очень трудно. Потому что Ты лучше меня знаешь, что ему нужно и в чем он нуждается. Потому что Ты в день Своего Воскресения выдергивал за руки людей из ада, как это изображает иконография. Потому что Ты хочешь быть с каждым человеком, и с моим папой тоже, и делаешь все для этого. Вот только мне трудно поверить Тебе, трудно довериться и отдаться в Твои руки, куда более мудрые и любящие, чем я могу себе представить.

И, может быть, тогда молиться стоит так: помоги мне отдать все Тебе, отдать даже то, что страшно доверить и трудно отпустить. Верую, Господи, помоги моему неверию!